

Журчева О.В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века: учеб. пособие. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. – 184 с.

Канунникова И.А. Русская драматургия XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/65585/chitat_knigu.shtml#t36

Липовецкий М., Боймерс Б. Префомансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы». – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 376 с.

Чехов А.П. Собрание сочинений в восьми томах. – Т. 8. – М.: Правда, 1

© Лузина А.Е., 2017

Овчинникова Е.Э. (Екатеринбург, УрГПУ)

Мотив странничества в поздней лирике С.Есенина

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию мотива странничества в последний период творчества С. Есенина. Показано, как трансформируется данный мотив по сравнению с ранней лирикой. На материале стихотворений, созданных поэтом в 1924-1925 гг., анализируются приемы создания образа странника, варьирование его образа, что позволяет лучше понять характер лирического героя С. Есенина, особенности его поэтического мира и мировоззрения поэта в последние годы жизни.

Ключевые слова. С. А. Есенин, мотив, образ, лирика, лирический герой, странничество, странник.

Ovchinnikova E.E. (Yekaterinburg, USPU)

The motive of the wandering in last lyrics of Sergej Esenin

Abstract. This article is devoted to a research of motive of wandering during the last period of creativity of S. Yesenin. It is shown how this motive is transforming in comparison with early lyrics. On material of the poems created by the poet in 1924-1925 methods of creation of an image of the wanderer, a variation of his image are analyzed that allows to understand better character of the lyrical hero of S. Yesenin, feature of his poetic world and outlook of the poet in the last years of life.

Keywords. S. A. Yesenin, motive, image, lyrics, lyrical hero, wandering, wanderer.

«Странничество как образ жизни было весьма присуще Есенину <...> Поэтому неудивительно, что поэт избрал путь скитальца и бродяги, считая его чуть ли не единственно возможным, характерным для всех людей, неодолимым и всеобщим» [Самоделова 2008: 372-373]. Более того, «Есенин также осознавал удел странничества как стойкую литературную традицию, созданную и даже прославленную знаменитыми путешественниками. Следую всеобъемлющей фольклорной и литературной логике выстраивания ведущего «путевого сюжета» и всевозможных «дорожных мотивов», Есенин стал воспевать образ странника в собственных стихах» [Самоделова 2008: 373].

Но мотив странничества в поздней лирике Есенина значительно трансформируется по сравнению с ранним творчеством. Странничество теперь предстаёт не как богоискание, а приобретает оттенок скитальчества, злой судьбы, рока. В последний период творчества Есенина «усиливается чувство отщепенства» [Лейдерман 2007: 27], к нему присоединяется мотив обреченности, невозможности возврата к истокам: «Не вернусь я в отчий дом, / Вечно странствующий странник» (I, 163)

Все чаще в стихотворениях возникает образ дома как завершение скитания. Возвращение домой, чаще всего неосуществимое, символизирует окончание жизни. Теперь странник уже не ищет Бога – он лишь хочет вернуться домой. В то же время говорится: «Без возврата / Я покинул родные поля» (I, 127).

С. Есенин практически перестает романтизировать мотив странничества, в центре внимания одинокий скиталец, таскающийся по чужим землям.

Попытаемся показать это на анализе произведений С. Есенина.

Отличительной чертой сборника «Москва кабацкая» по отношению к предыдущим произведениям поэта являются мотивы тоски по дому, возвращения на родину, а также главный мотив поздней лирики С. Есенина – быстротечность жизни. Например, в стихотворении «Не ругайтесь. Такое дело!..» (1924) автор, чувствующий свое одиночество и бесприютность в новом строящемся обществе,

уоставший от скитаний «в миру», заявляет: «Брошу все. Отпущу себе бороду / И бродягой пойду по Руси» (I, 124)

Предшествуют такому заявлению изменения в России, которые С. Есенин обнаруживает, вернувшись после года странствий по Западной Европе и Соединенным Штатам. Русь стала советской не только по политическому строю и экономическому укладу, но и по доминирующему духу. Поэт чувствует себя чужим и не может принять это: «Нет любви ни к деревне, ни к городу, / Как же смог я ее донести?» (I, 124)

В этом же стихотворении присутствуют страннические атрибуты, символизирующие непритязательность героя, желание отречься от мирской жизни: «Перекину за плечи суму...», «Провоняю я редькой и луком» и опять же «Отпущу себе бороду». Здесь есть и вызов приличному обществу, перед нами забулдыга и в то же время юродивый: «Буду громко сморкаться в руку/ И во всём дурака валять» (I, 124).

А в стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу...», наоборот, говорится об угасании «духа бродяжьего», утрате желания странствовать по родной земле:

И страна березового ситца

Не заманит шляться босиком.

(I, 125)

Причина появления таких стихотворений в творчестве Есенина - чувство близкого окончания жизни, несмотря на то, что поэту на момент написания лишь 26 лет. «Он пишет о чувстве истощенности, растраты, душевной опустошенности» [Лейдерман 2007: 96], «сам прослеживает процесс увядания собственной души и пытается объяснить его» [Лейдерман 2007: 96-97] он уже анализирует свой немалый творческий и жизненный путь, ощущая близость его завершения:

Все мы, все мы в этом мире тленны,

Тихо льется с кленов листьев мель...

Будь же ты вовек благословенно,

Что пришло процветать и умереть. (I, 125).

В сборнике «Страна советская» знаковым является стихотворение «Возвращение на родину». Безусловно, это стихотворение яв-

ляется автобиографичным: лирический герой, после десяти лет жизни в Москве, посещает родное село Константиново:

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой... (I, 265)

После посещения родного села, герой снова ощущает гнетущую тоску – здесь все стало чуждо ему, и он видит не то, что ожидал – не свою родную деревню: «Как много изменилось там, / В их бедном, неприглядном быте», «Отцовский дом / Не мог я распознать: / Приметный клен уж под окном не машет». (I, 265)

Наравне с мотивом странничества в стихотворении функционируют такие мотивы, как мотив ностальгии, мотив тоски и быстротечности времени: «Я с грустью озираюсь на окрестность: / Какая незнакомая мне местность!» (I, 265). Нарастает чувство одиночества. Пристанищем и убежищем от новой действительности становится мир природы:

Теперь и богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится... (I, 266)

Все увиденное в родных краях, в родном доме угнетает героя: изменения, произошедшие в деревне под влиянием времени и насаждения коммунистической идеологии, бедность и серость жилища его родных. Однако, несмотря на все разочарование от приезда в родное, но так изменившееся за годы его отсутствия село, лирический герой рад встрече с Родиной: «Но все ж готов упасть я на колени, / Увидев вас, любимые края» (I, 267).

В стихотворении «Не вернусь я в отчий дом» поэт вновь варьирует мотив окончания жизненного пути и «возвращение блудного сына», а лирический герой здесь «вечно странствующий странник» (I, 163).

Несмотря на то, что герой есенинской лирики перестает быть иноком и богомольцем, природа остается субъектом религиозного чувства и готова тосковать об ушедшем страннике: «Об ушедшем над прудом / Пусть тоскует конопляник.» и «Пусть неровные луга / Обо мне поют крапивой...» (I, 163)

И все же дорога жизни приводит странника в родной дом: «Но на склоне наших лет / В отчий дом ведут дороги», «Даже пес в хозяйский двор / Издыхать всегда приходит» (I, 163).

Кольцевая композиция стихотворения (созвучие первой и последней строф) выявляет смысловые различия – этапы жизненного пути («не вернусь – ворочусь») и символизирует круговорот бытия: смерть лирического героя не остановит течение жизни природы:

Ворочусь я в отчий дом –
Жил и не жил бедный странник...
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник. (I, 163)

Стоит обратить внимание на образ конопляника, неоднократно появляющийся в лирике поэта («Отговорила роща золотая...»). Более того, чаще всего он появляется в рифме со словом «странник». Конопляник – часть природы, которая может пожалеть и оплакать героя после его смерти.

Путешествие по Кавказу, Грузии и Азербайджану дает С. Есенину новый виток творческого вдохновения, который «вырастает» в особенный сборник стихотворений – «Персидские мотивы». Герой-странник появляется в стихотворении «Воздух прозрачный и синий...». Здесь возникает мотив дороги, поэт обращается к одинокому путнику, уходящему вдаль: «Путник, в лазурь уходящий, / Ты не дойдешь до пустыни» (I, 182). Цветопись в данном стихотворении «иконная», присущая всему творчеству Сергея Есенина - это голубые, белые, золотые, полупрозрачные цвета: «Воздух прозрачный и синий», «лазурь», «Месяца желтая прелесть».

Несмотря на общую легкость этого стихотворения, его плавность и спокойное течение за счет завораживающих повторов, кольцевой рифмы, создающей восточную напевность повествования, в нем поддерживается ощущение недостижимости цели, мимолётности впечатлений и усталости: «Вот он, удел желанный / Всех, кто в пути устали. Ветер благоуханный / Пью я сухими устами, / Ветер благоуханный.» (I, 182) Обратим внимание на переход от «ты» к «я», сливаются лирический герой и путник.

Стихотворение «Золото холодное луны...» тоже строится как обращение к путнику:

Ты же, путник, мертвым не внемли,

Не склоняйся к плитам головою.
Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помиришь лишь в сердце со врагом,
И тебя блаженством ошафранит.
Жить - так жить, любить - так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй. (I, 183)

Во многих религиях к местам захоронения святых монахи совершают паломничество, но в есенинском стихотворении повторяются императивы с отрицательной частицей: «мертвым не внемли, / Не склоняйся к плитам головою» и «Если хочешь мертвым поклоняться, / То живых тем сном не отравляй». Отношение Есенина к праведникам становится иным: паломничество по святым местам и отречение от материальной жизни вызывает лишь жалость у лирического героя: «Тех, которым ничего не надо, / Только можно в мире пожалеть» (I, 183).

Особую роль в стихотворении «Отговорила роща золотая...» играет мотив странничества, но странничество не ради богоискания, а странничества в философском его понимании, когда странник – каждый человек, пришедший в этот мир: «Ведь каждый в мире странник – / Пройдет, зайдет и вновь оставит дом. / О всех ушедших грезил конопляник...» (I, 153).

Именно этими строками можно характеризовать умонастроение самого Есенина в последние годы, даже месяцы жизни. Его эмоции меняются «от светлой печали до экзистенционального трагизма, от вызывающего нераскаяния до просьбы о сохранении памяти о непутевой, но все равно «золотой» и «сиреневой цвет» человеческой жизни» [Лейдерман 2004: 86].

Большинство произведений Сергея Александровича Есенина 1924-1925-х гг. являются автобиографичными или носят мету автобиографизма. В своих поздних стихотворениях поэт отказывается от традиции религиозного странничества. Мирощущение Есенина меняется. Понятие «странник», «путник» трансформируется: это уже не инок, ищущий Бога в скитаниях и молитвах. Жизнь – это дорога, а странник – каждый человек, пришедший в этот мир.

Образ героя-странника расширяется до философского обобщения: «Жизнь – путешествование и странствие <...>, а человек – пилигрим, осужденный плутать в поисках истины» [Панченко 1996: 224].

Природа, в особенности, природа родного края все так же остается для поэта святыней, но все чаще она выступает в роли носителя воспоминаний о прошлом. Несмотря на чуждость лирического героя обществу, природа воспринимается как живой организм, как храм, способный излечить душу любого странника и вернуть его к духовным истокам.

В поздней лирике мотив странничества варьируется от скитаний героя-странника по земле до философской трактовки странничества как удела каждого жившего, живущего и того, кто будет жить когда-либо: «Ведь каждый в мире странник – / Пройдет, зайдет и вновь оставит дом» (I, 153) и «Жил и не жил бедный странник» (I, 163).

Литература:

Есенин С. Собрание сочинений: в 2 т. / Сост. и коммент: Ю. Л. Прокушева. – М.: Сов. Россия: Современник, 1990 г.

Лейдерман, Н.Л. Сергей Есенин. Метаморфозы художественного сознания: монографический очерк. – Е.: УрГПУ, 2007. – 125 с.

Панченко А. М. История русской культуры Том III. (XVII – начало XVIII века). М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 224.

Самоделова Е. Антропологическая поэтика С. А. Есенина. Авторский жизнетекст на перекрестье культурных традиций. М: Языки славянских культур, 2008 г. – 956 с.

©Овчинникова Е.Э., 2017

Окунцева М. Д. (Пермь, ПГГПУ)

***Национальный миф в постмодернистском кинотексте
(Д. Осокин, А. Федорченко)***

Аннотация. Статья посвящена анализу тематики и образов малых народов в российских постмодернистских текстах и кинотекстах. На примере совместной работы писателя Дениса Осокина (Казань, род.1977 г.) и режиссера Алексея Федорченко (Екатеринбург, род. 1966) - «Ангелы революции» (2014) - в докладе рассматривается